

Терем Айвань, как и другие заведения в Столице, открывался для посетителей каждый день после полудня. Если гости приходили рано, то заказывали больше вина и закусок, коротая вечер в компании девушек, а уходили только следующим утром.

В первый час шэньши мамка поднимала с постелей свободных девушек, чтобы те прихорашивались, а нескольким молодым, у которых пока не было клиентов, наказывала выйти за дверь зазывать гостей. Делать это следовало активно, слова приглашения должны были быть откровенными, подчёркивая белую кожу и пышную грудь местных красавиц.

Одна из девушек, недавно лишившихся невинности, нерешительно спросила:

— Мамка, а не слишком ли это вульгарно? Да и в Тереме Чуньфэн на востоке города только что выбрали королеву цветов, так что большинство гостей, наверное, отправились туда. Наши крики вряд ли помогут?

Пальцы мамки ткнули её в лоб.

— Что ты понимаешь? Вульгарное — как раз то, что нужно, мужчины обожают вульгарность! В Терем Чуньфэн идут поглазеть на зрелище, разве у них столько же гостей, как у нас? И на кой ты так тепло оделась? Быстро переоденься!

Гостей в Тереме Айвань действительно было много, но щедрых среди них находилось мало, и в плане ведения дел они всегда уступали Терему Чуньфэн. К тому же, в Тереме Айвань не было красавиц, способных затмить цветы и затмить луну, так что даже при всём умении вести дела трудно было удержать позиции.

Девушке было больно от маминых ногтей, но она лишь беспомощно пробормотала что-то и отправилась в комнату переодеваться.

Мамка окинула взглядом остальных, упёрла руки в боки и сказала:

— Что вы все как мёртвые? Позовите Малыша Иня поиграть на саньсяне! А где Цзинь Гуйхуа? Пусть побыстрее умоется и причёшется, споёт пару песенок, разогреет публику.

Маленькая служанка сделала реверанс:

— Осмелюсь доложить, мамка, гость у Гуйхуа с прошлого вечера не ушёл, сказал, что выкупает её на три дня.

Лицо старой сводни заметно просветлело:

— Тогда позови Юйчжу петь.

— Слушаюсь.

Уже наступил шестой месяц, с каждым днём становилось всё жарче, что сильно сказывалось на их торговле телом. В такую жару никто не хотел прижиматься друг к другу. Хотя в публичных домах и можно было купить лёд, использовать его разрешалось только в главном зале. Если бы его стали применять где-то ещё, можно было прогореть вчистую. Их Терем Айвань не был таким большим, как другие заведения, поэтому сэкономили, где могли.

Вскоре появился юноша, который одной рукой держал саньсянь, а другой опирался на костыль, медленно передвигаясь.

Мамка нервно помахала своим круглым веером. Вид хромой походки Малыша Иня всегда её раздражал, и она жалела, что год назад у неё случился приступ помешательства, и она притащила его сюда.

Тогда, мельком взглянув, она подумала, что парень чем-то похож на её сбежавшего из дома сына. Но после того, как привела его в Терем Айвань и отмыла, обнаружила, что на самом деле сходство невелико. Зря потратила на него деньги на еду.

Однако парень оказался смышлёным, сам искал работу. Когда девушки пели песенки, он подыгрывал на саньсяне.

Сначала он играл на трёхструнке из рук вон плохо, но сейчас уже более-менее освоился. Только вот он был слеп, и при ходьбе ему требовалась поддержка, да и выглядел он при этом не очень. Поэтому мамка У велела ему меньше двигаться, играть только в главном зале. Если только гость сам не попросит, в отдельные кабинеты ему ходить не следует, чтобы не потревожить клиентов.

Бай Иньфэн, с помощью маленькой служанки усевшись на стул, с улыбкой поблагодарил девушку, аккуратно поставил костыль и спросил Юйчжу, какую песню спеть.

Юйчжу какое-то время заворожённо смотрела на его красивое лицо, и только когда он повторил вопрос, покраснела и ответила:

— Давай Песню полуночи.

Если музыкант красив, то и певица может проникнуться чувствами. Говорят, в Тереме Айвань многие симпатизируют этому юному мастеру саньсяня. Но все они, опустившись до публичного дома, давно уже лишились обычных девичьих фантазий простых людей.

Какое будущее может быть со слепым хромым музыкантом? Даже если ты готова его содержать, он тебя не защитит. Несчастливым людям, чтобы выжить, достаточно и себя уберечь.

Бай Иньфэн, конечно, не знал, о чём думает Юйчжу. Ещё недавно он помогал на кухне разжигать огонь, и повар, мастер Лю, пообещал тайком дать ему пампушку, как только они приготовятся на пару. Иначе ему пришлось бы ждать до полуночи, когда уберут пиршественные столы, и доедать остатки, а к тому времени пампушки остынут и будут невкусными.

Он с радостью полдня подбрасывал дрова в печь, а потом его позвали играть на саньсяне. Хотя это и было досадно, но он уже привык.

Он взял плектр и начал играть. Юйчжу прочистила горло и запела:

— Весенний лес пленяет цветами, весенняя птица полна печали. Весенний ветер, столь многолюбивый, развеивает мой шёлковый наряд.

Пробыв в Тереме Айвань уже долгое время, Бай Иньфэн поначалу никак не мог привыкнуть. Столько женщин, вынужденных продавать себя, — в прежние времена он бы этого не стерпел. Но теперь он понял: даже если вытащить их отсюда, им негде будет укрыться. В публичном доме у них, по крайней мере, есть еда. Сам он сейчас выживает на их объедках, даже им не ровня, так что какое уж тут сочувствие с его стороны?

К тому же, Терем Айвань — не самое дно, не такой публичный дом, что прячется в глубине

переулков. В таких местах жизнь проституток крайне тяжела, они принимают клиентов с утра до ночи, и на сон почти не остаётся времени. Если случайно подхватят венерическую болезнь, их просто запрут в маленькой комнатке ждать смерти, денег на лечение не дадут.

По сравнению с этим, мамка У, безжалостная к своим дочкам, всё же обладала некоторой человечностью. Поэтому, хотя сейчас Сестрица У и смотрела на него недобро, он всё равно называл её Сестрица У.

Докатившись до такого состояния, он ни за что не хотел встречаться с прежними друзьями и родственниками.

Он не мог не тосковать по своей прошлой жизни, полной благородной ярости и возмездия, и в душе снова и снова спрашивал себя: стоило ли тогда спасать Тан Сяоу. Ведь когда Тан Сяоу всё поймёт, он, возможно, посмеётся над его глупостью.

Но в тот момент он просто не мог придумать другого способа остановить Тан Сяоу, чтобы тот не выпил ту чашу с лотосовым отваром. Эмоции тогда захлестнули его, что и привело к непоправимой ошибке.

Хотя он и восхищался спокойными, рассудительными людьми, считая, что их качества превосходны, и тайно стремился им подражать, когда доходило до дела, приходилось признавать: горы сдвинуть легче, чем изменить свою природу. Он был человеком вспыльчивым.

Прошёл уже год с тех пор, как он оказался в Тереме Айвань, и события того дня казались теперь происшедшими в другой жизни. Привыкнув к жизни в публичном доме, он почувствовал, что прежний Бай Иньфэн имеет к нему мало отношения, а нынешний подсобный рабочий Малыш Инь в борделе — это и есть он сам.

Немного отвлекшись, он заметил, что Юйчжу уже закончила песню. В зале раздались редкие аплодисменты с просьбой спеть ещё. Оказалось, девушки, зазывавшие гостей снаружи, тоже очень постарались, и вскоре зашли трое-пятеро посетителей.

Поблагодарив, Юйчжу спела ещё две песни, обе тоже очень игривые и соблазнительные.

Голос у Юйчжу был не таким сладким, как у Цзинь Гуйхуа, но нежным и робким, пела она гибко и чувственно.

Умение играть на саньсяне Бай Иньфэн почти полностью забыл, но ради выживания пришлось вспомнить. Он думал, что если однажды покинет Терем Айвань, то сможет выступать на улицах.

Но играть постоянно он тоже не мог: не всем гостям нравился звук саньсяня, тем более что играл на нём мужчина. Хотя его пальцы были довольно длинными и тонкими, из-за многолетних тренировок с мечом суставы слегка утолщились и не были такими мягкими и изящными, как у девушек.

После трёх песен на смену пришла Цуйсян с пипой. Один из гостей пригласил Юйчжу в отдельный кабинет составить компанию за вином. По голосу клиента Бай Иньфэн понял, что это один из постоянных покровителей Юйчжу. Говорили, он уже немолод, но Юйчжу, увидев его, всё равно могла смущённо и застенчиво воскликнуть:

— Господин, вы наконец-то пришли! Как же я по вам страдала!

Эти слова любовного угождения в мире ветра и луны никто не воспринимал всерьёз.

Наверное, все люди такие: сколько в так называемой искренности настоящего чувства, угадать трудно. Бай Иньфэн вспомнил, как они с Тан Сяоу и Юнь Тао жили в усадьбе, и уже не мог разобрать, что в их словах было правдой, а что — ложью.

Терем Айвань находился на главной улице недалеко от городских ворот. Постоянные клиенты, имея в кармане немного денег, заходили сюда прогуляться, выпить чашку чая за пару лянов серебра. Услышав шум в главном зале, проходящие мимо гости заглядывали внутрь, и вскоре в зале становилось всё оживлённее.

Мамка встречала гостей в зале, сыпля словами, словно лепестками лотоса. Кто бы ни вошёл в Терем Айвань, она всегда могла найти девушку, которая удовлетворила бы гостя.

Бай Иньфэн сидел в углу и отдыхал. Если его не звали играть на саньсяне, он возвращался в задний двор. Пампушек, приготовленных мастером Лю, было ровно столько, сколько нужно, лишнюю взять было нельзя. Если он вернётся сейчас, то сможет доесть только вчерашние объедки, так что лучше подождать — вдруг скоро уберут какой-нибудь пиршественный стол.

— Ой, господин, как же вы запоздали! — первый возглас мамки прозвучал ещё в зале, а последний слог уже долетел от самого входа.

Бай Иньфэн предположил, что на горизонте появилась свежая жирная рыба.

<http://bllate.org/book/15610/1393732>